УДК 339.924

Рензин Олег Маркович – канд. экон. наук, зам. директора Института экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Хабаровск). *E-mail: renzin@ecrin.ru*

О.М. Рензин
O.M. Renzin

Новые межстрановые конфигурации в АТР как фактор изменения интеграционных позиций России

В статье дается сравнительный анализ проектов интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион (далее – АТР), выдвинутых в посткризисный период XXI в.: «Транс-Тихоокеанское партнерство» (США), «Экономический пояс Шелкового пути» (КНР), «Евразийская инициатива» (Ю. Корея). Оцениваются потенциальная привлекательность и вероятность реализации каждого из проектов в среднесрочной перспективе, рассматриваются сценарии потенциального участия России в новых интеграционных образованиях.

New cross-country configuration in the APR as a factor of integration of the Russia's position changes

The article provides a comparative analysis of integration projects in the Asia-Pacific region, put forward in the post-crisis period of XXI century: "Trans-Pacific Partnership" (USA), "The economic zone of the Silk Road" (China), "Eurasian Initiative" (South Korea). The potential and the attractiveness of the probability of each of the projects in the medium term, the potential scenarios discussed Russia's participation in the integration of new entities is evaluated.

Ключевые слова: *Азиатско-Тихоокеанский регион, интеграционные проекты, Транс-Тихоокеанское партнерство, Экономический пояс Шелкового пути, Евразийская инициатива.*

Keywords: *Asian-Pacific region, integration processes, Trans-Pacific Partnership, Economic zone of the Silk Road, Eurasian initiative.*

Сформировавшаяся в последние десятилетия модель глобального экономического развития во многом ориентирована на процессы формирования на основе национальных хозяйственных систем интеграционных объединений различного уровня [1].

Происходящие в АТР в последнее десятилетие события стали объектом пристального внимания специалистов-обществоведов всего мира. Никогда ни в одном макрорегионе мира не возникало одновременно

так много проектов по формированию новых интеграционных образований. При этом, инициаторами, лидерами и непосредственными участниками этого процесса являются либо страны, которые в настоящее время занимают ведущие позиции в международных экономических взаимодействиях (США, Китай, Япония), либо экономики, имеющие – с учетом существующего потенциала развития – амбициозные планы по вхождению в перспективе в лидирующую группу (это, прежде всего, Россия и Ю. Корея).

Стратегии развития, связанные с выдвижением интеграционных инициатив и последующим созданием региональных объединений, стали явно выраженными для стран Азиатско-Тихоокеанского региона в период после мирового финансового кризиса 2007 – 2008 гг. Традиционные модели организации национальных экономик, ранее демонстрировавшие позитивные результаты функционирования, начали давать сбои. Высокая чувствительность даже очень сильных экономик к негативным мировым процессам потребовала проведения специальных мероприятий по повышению устойчивости производственных систем. Одновременно, глобальный кризис показал, что ранее разработанные программы совместных защитных мероприятий в АТР (сформированные, в основном, в период после Азиатского кризиса 1997 г.) действуют недостаточно эффективно, для региона требуются разработка и реализация более совершенных форм и механизмов объединения хозяйственных систем.

Идеология коллективного противостояния стран региона современным экономическим рискам стала императивом развития и потребовала от каждой из стран и территорий АТР нахождения ответов на ряд принципиальных вопросов по развитию национальных хозяйственных систем. В каком сегменте мировой экономики занимать производственные ниши? На каких продуктовых линейках специализироваться? С кем и на каких условиях формировать устойчивые хозяйственные связи?

В этих условиях сформировалось семейство интеграционных проектов, которые стали отражением интересов и возможностей основных игроков Азиатско-Тихоокеанского региона. Единые по своему содержательному наполнению – «… интеграция как альтернатива обособленному развитию», … они имели качественно отличающиеся способы реализации, неоднородный круг участников, разномасштабные ресурсные базы.

Прежде всего, выделим ряд интеграционных инициатив, по масштабам, как минимум, сопоставимых с уже действующим проектом Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (далее – АТЭС). Последний, в силу своей слабой институциализированности и внутренней противоречивости, приобрел черты рутинности и традиционности, что в современном динамичном мире, несомненно, не соответствует потребностям развития. Для выправления ситуации были предложены проекты, разработанные крупнейшими мировыми экономическими державами – США и Китаем. Их потенциальные

возможности, включающие не только имеющуюся ресурсную базу, но и внеэкономическое влияние на страны региона, позволяют рассматривать формирование Транс-Тихоокеанского партнерства, предложенного США, и Экономического пояса Шелкового пути, выдвинутого Китаем, как два главных сценария реструктуризации экономического пространства АТР.

Китайский Шелковый путь был представлен мировому сообществу осенью 2013 г. и с тех пор стал одним из важнейших элементов экономической политики КНР в регионе. Он предполагает за счет реализации большого числа взаимосвязанных инфраструктурных проектов объединить экономические интересы государств, расположенных между Тихоокеанским и Атлантическим побережьем Евразийского континента. Включение их в активную международную экономическую деятельность (при лидерстве и под финансовым патронатом Китая) даст региону мощный импульс развития и сформирует позитивные интеграционные эффекты как для каждого из участников проекта, так для и всего региона в целом. Козырной картой в этом предложении является формирование Китаем целевых финансовых институтов, обеспечивающих поддержку интеграционных планов, в частности Фонда Шелкового пути объемом в 40 млрд. долл.

Другими перспективными для реализации проекта финансовыми структурами являются созданные в недалеком прошлом кредитные организации, находящиеся под сильным китайским влиянием, это: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций с капиталом в 100 млрд. долл. и имеющий такой же финансовый потенциал Новый банк развития.

Вкладываясь в инфраструктуру за рубежом, Китай не только создает коммуникационные каналы для реализации своего экономического потенциала в большом количестве прилегающих к Поясу Шелкового пути экономик, но и формирует инструментарий для глобализации экономической политики, выходя не только за пределы АТР, но и Азии в целом. Очевидно, что вслед за решением инфраструктурных проблем участникам проекта будут предложены разнообразные возможности переформатирования таможенных режимов, финансовых и валютных взаимоотношений с китайскими фирмами и экономическими институтами, софинансируемые инвестиционные проекты и другие интеграционные программы. Особо следует выделить появление значительно более широких возможностей для использования в этих процессах юаня как валюты с международным статусом. Таким образом, в инфраструктурной оболочке находится значительный по потенциальным возможностям интеграционный проект, изменяющий пространственную конфигурацию развития не только Тихоокеанской зоны мировой экономики, но и сопредельных территориальных структур [2, 3].

Другой проект объединительного процесса в АТР, не альтернативный по существу использования интеграционной идеологии, но предполагающий для этого другой набор инструментов и служащий интересам других бенефициаров, довольно долго (более 7 лет) готовился в

США. Он получил название «Транс-Тихоокеанское партнерство». После многих раундов предварительных консультаций и обсуждений он был в ускоренном режиме запущен в реализацию в октябре 2015 г. как реальный ответ на китайскую интеграционную программу. США, Япония, Канада, а также около десятка других стран региона (в числе которых и социалистический Вьетнам) начали процесс формирования в АТР зоны свободной торговли, фактически исключающей в перспективе таможенные пошлины в операциях между странами-партнерами [4].

И в этом случае (как и в проекте «Шелковый путь») фритридерская оболочка не отражает реальной сложности мотивов объединения стран-участниц и его многообразного интеграционного потенциала.

Для США это составная часть программы «Поворот в Азию», продекларированной как продолжение и развитие ранее реализованной трансатлантической доктрины. Кроме того, американскими политиками и экономистами без особого вуалирования заявляется, что в ней содержится противовес китайскому доминированию на региональных рынках.

Для Японии это хороший шанс для восстановления своих лидерских позиций в регионе АТР, поскольку наиболее сильные ее оппоненты в различных областях экономического влияния (Китай, Ю. Корея, Тайвань) остаются за пределами этого объединения. Возможно, что режим «невключения» для этих стран имеет временный характер, но опережающий доступ к получению интеграционных эффектов, несомненно, усиливает конкурентные позиции японской экономики.

Для стран региона (как уже вошедших в пул участников, так и тех, кто присоединится позже) это реальная возможность для конкурентного усиления на крупнейших в мире потребительских рынках США и Японии, встраивания в их мощные производственные системы, для получения преференциальных партнерских поддержек при возникновении трудностей в экономическом развитии.

И китайский, и американский проекты имеют ориентацию на АТР, но предусматривают надрегиональные масштабы реализации. Не столь глобальны для мирового сообщества вышеназванные инициативы, но, одновременно, значительно более значимы для национальных экономик интеграционные проекты, которые предлагают к реализации в регионе такие страны, как Ю. Корея и Россия.

Южнокорейская «Евроазиатская инициатива» по сложности, по масштабам задач, по ожидаемым эффектам может быть сравнима с проектом Единой Германии, реализованным в конце XX в. Одним из главных направлений этого проекта является создание предпосылок для объединения Республики Корея и КНДР. Для реализации такого перспективного плана предлагается использовать стратегию расширения окружающего экономического пространства за счет использования эффективных партнерских отношений с соседними странами. Интеграционный потенциал позволит придать объединенной пространственной системе новые позитивные качества («креативность»),

способствующие более эффективному развитию локализованных в нем экономик.

Еще более сложный интеграционный проект (скорее, семейство проектов, реализуемых в АТР) рассматривает Российская Федерация. Это связано с тем, что, во-первых, она является фактически единственной державой, являющейся в полном смысле евроазиатской, т. е. соблюдающей системный баланс между проектами для Азии и для Европы. Во-вторых, ее участие в реальных интеграционных процессах в АТР ограничено, поскольку осуществляется через территории с не самым высоким потенциалом развития (Дальний Восток и Восточная Сибирь). В-третьих, Россия уже является участником ряда международных объединений, реализующих свои программы в АТР (БРИКС, ШОС) [5].

В период после 2000 г. в России был осуществлен резкий поворот на восток, в стране произошла кардинальная «азианизация» внешней политики. В этом процессе важную роль сыграл ряд обстоятельств.

Во-первых, с глобальных позиций, исчерпала себя как стратегически, так и функционально сложившаяся за многие десятилетия «европоориентированность» российского развития. В течение длительного периода именно это направление международного сотрудничества России являлось, безусловно, главным. Почти половина внешнеторгового оборота страны формировалась в Европе, основные финансовые и инвестиционные партнеры российских компаний и банков являлись резидентами стран, входящих в Европейский союз.

Однако тесная «прикрепленность» корпораций РФ к европейским рынкам определила возникновение эффекта чрезмерной зависимости российских производителей от локализованного в Европе потребительского спроса. Это предоставляло европейским партнерам возможности для осуществления согласованной ценовой дискриминации, лишала российских производителей инструментария для проведения эффективного конъюнктурного и стратегического маневров. В конечном итоге, сложившиеся взаимосвязи приводили к возникновению серьезных политических и экономических проблем, которые особо остро проявлялись в кризисные периоды.

Все более очевидной становилась необходимость пространственной диверсификации внешнеэкономических связей России, использования для повышения эффективности хозяйствования более широкого набора вариантов партнерских взаимоотношений. Одним из главных направлений решения этих макроэкономических задач явилось расширение взаимодействий со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Во-вторых, в условиях глобальной нестабильности и ожиданий возникновения в перспективе кризисных ситуаций, а также с учетом прогнозов авторитетных международных организаций (МВФ, Мирового банка, ОЭСР) российские власти увидели в АТР ареал экономического благополучия и развития. Производственный и потребительский потенциалы региона рассматриваются ими как очень привлекательные для

активизации и расширения международного сотрудничества.

В-третьих, имея серьезные проблемы в реализации региональной политики на Дальнем Востоке страны, Россия связывает позитивные сдвиги в территориальном развитии с использованием сотрудничества с экономиками АТР [6].

Кроме ожидаемых экономических выигрышей, существенное значение имеют и политические мотивы усиления влияния России в АТР, которые, несомненно, присутствуют в российской стратегии азиатской интеграции.

То, что Россия должна рассматривать Азиатско-Тихоокеанский регион в качестве одного из важнейших стратегических объектов для установления международных контактов, неоднократно декларировалось представителями высшей власти в стране.

В результате, при определении своей интеграционной стратегии в регионе стране приходится учитывать большое количество факторов, формирующих ограничения и риски [7].

Так, в частности, Россия считает одним из наиболее продуктивных и интересных для нее региональных проектов Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС). В него, наряду с Россией, входит ряд постсоветских стран, в том числе несколько азиатских. Но в перспективе его участники рассчитывают на более массовое международное представительство: интерес к этому интеграционному объединению проявляют более 40 стран, включая государства, расположенные в АТР.

С другой стороны, в качестве лидирующей экономики ЕАЭС, и представляя интересы этого объединения, Россия активно включается в процессы формирования интеграционных блоков [8].

Например, по отношению к проекту Экономический пояс Шелкового пути проявлена не только заинтересованность, но и ведутся переговоры о «сопряжении» этих двух интеграционных программ «… в области транспортной инфраструктуры, регулирования трансграничного движения товаров и услуг». Кроме этого, высокие перспективные оценки имеет российская программа участия (и привлечения к ее работе других стран) в таком проекте, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая имеет большое влияние на международные процессы.

С третьей стороны, Россия однозначно выказывает недовольство тем, что в ряде случаев ее не привлекают к рассмотрению крупных интеграционных проектов. Например, без ее участия происходит формирование такого экономического блока, как Транс-Тихоокеанское партнерство. Хотя, следует отметить, пока ни по одному из возможных вариантов интеграционных стратегий ни у политиков, ни у ученых, ни у экспертов нет однозначных решений.

Когда ведущие державы мира формируют один за другим различные конкурирующие интеграционные проекты, в регионе возникает ситуация, когда необходимо формирование отчетливых представлений о потенциальных выигрышах и потерях при участии (или неучастии) в том

или ином проекте. Очевидно, что на перспективу необходимо сформировать какую-либо национальную стратегию (она может быть ориентирована на сотрудничество, а может, напротив, на конфронтацию). Важный вопрос связан с формированием институциональных механизмов (либо адаптационных, либо, напротив, защитных). Существенным представляется решение вопроса о возможной глубине интеграции, о грани, которая разделяет интеграционные устремления и утерю независимости в управлении экономическими процессами [9].

Эти вопросы важны для всех участников интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но особенными по значению (если не судьбоносными) они выглядят в России, которая объявила, что развитие ее дальневосточной территории (а значит, и активное инкорпорирование в экономику Азиатско-Тихоокеанского региона) является «… национальным приоритетом на XXI в. [10].

Однако принятие новых стратегических ориентиров вовсе не означает реального решения проблем развития. Последующие шаги должны быть связаны с определением приоритетных для России рынков и привлечением долгосрочных партнеров для реализации экономических планов.

(Продолжение в следующем номере)

Литература и источники:

1. Валиуллин, Х. Х. Вызовы и перспективы глобальной экономики / Х. Х. Валиуллин // Проблемы прогнозирования. – 2015. – № 5. – С. 162 – 164.

2. II Международный форум Аналитического центра китайско-российского экономического сотрудничества: Международное партнерство в строительстве экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. – Харбин, 2015. – 276 с.

3. Уянаев, С. Китайский проект «Один пояс – один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией / С. Уянаев // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 4. – С. 8 – 21.

4. Shintaro Hamanaka. TPP versus RCEP: Control of Membership and Agenda Setting // Journal of East Asian Economic Integration. – 2015 vol. 17. – №. 4. – P. 163 – 186

5. См. Хейфец, Б. Перспективы институционализации БРИКС / Б. Хейфец // Вопросы экономики. – 2015. – № 8. – С. 25 – 42.

6. Рензин, О. М. Интеграция Российского Дальнего Востока в АТР: возможности и риски / О. М. Рензин // Russia's Regional Development Plans and International Cooperation. – Seoul. KIEP, 2013. – P. 23 – 42.

7. Оболенский, В. Глобализация регионализма: вызов и риски для России // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 9. – С. 5 – 1.

8. Путин, В. В. АТЭС: к открытому, равноправному сотрудничеству в интересах развития// http://kremlin.ru/events/president/news/copy/50706

9. Cheong, I. and J. Tongzon.. «Comparing the Economic Impact of the Trans-Pacific Partnership and the Regional Comprehensive Economic Partnership», Asian Economic Papers. – 2013 vol. 12. – № 2. – P. 144 – 168.

10. Минакир, П. А. Новая восточная политика и экономические реалии / П. А. Минакир // Пространственная экономика. – 2015. – № 2. – С. 7 – 11.